

2. Гребнев Л.С. Образование: услуга или жизнь? М.: Институт проблем развития ВПО МАДИ (ГТУ), МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 89 с.
3. Миронов В.В. Глобализация высшего образования и Болонский процесс: В сб. «Высшее образование: вызовы Болонского процесса и ВТО». М.: ТЕИС, 2007. 409 с.
4. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 382 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/ Slovo, 2000. 624 с.
6. A Joint Declaration on Higher Education and the World Trade Organisation's (WTO) General Agreement on Trade in Services (GATS). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unige.ch/eua/en/activities/wto/welcome.html> (дата обращения: 20.10.2010).
7. A Survey of Higher Education / The Economist. September. 2005.
8. EU Cooperation in Higher Education. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2003. 16 p.
9. The Bologna Process and its Implications for Russia. The European Integration of Higher Education. М.: REСЕР, 2005. 177 p.
10. Winning by Degrees / The Economist, May, 2007.

УДК 81`23

Смирнов Е.Е., Хухуни Г.Т.

Московский государственный областной университет

РАСПАД ПРАЯЗЫКА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

E. Smirnov, G. Khukhuni

Moscow State Regional University

THE DESINTEGRATION OF THE PARENTAL LANGUAGE: LINGUISTIC AND SOCIOLINGUISTIC ASPECTS

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются проблемы, связанные с ключевым понятием сравнительно-исторического языкознания – праязыком (языком-основой). Отмечается, что, хотя оно (несмотря на имевшиеся в истории лингвистической мысли попытки от него отделиться) является общепринятым как в специальной, так и в учебно-методической и популярной литературе, вопрос о критериях, позволяющих с достаточной объективностью установить “точку распада”, т. е. эпоху, с которой можно говорить о прекращении времени существования прежде единого языка и начале развития отдельных, восходящих к нему родственных языков, нельзя считать окончательно решённым. Учитывая системно-структурный характер языка, с одной стороны, и его социальную природу – с другой, предлагается, рассматривая данную проблему, разграничивать оба аспекта, принимая во внимание возможность их несовпадения в отдельных случаях.

Ключевые слова: праязык, распад, сравнительно-исторический, родственные языки, Н.С. Трубецкой, лингвистический, социолингвистический.

Abstract. The present paper deals with the problems, that are connected with the key notion of comparative linguistics called parental language (protolanguage). Although in the history of linguistic science there were some attempts to compromise this notion, it remains generally accepted both in scientific and educational literature. But the problem of the objective criteria, that give us the possibility to define the exact period of its disintegration, i.e. the time, when the parental language ceases its existence and the history of the different kin languages begins, is still in many of its aspects unsolved. Due to the systemic and structural character of the language on the one hand, and its social nature on the other, the authors suggest differentiating the two aspects mentioned taking into account a possibility of their non-coincidence in some cases.

Key words: parental language, disintegration, comparative, kin languages, N. Trubetzkoy, linguistic, sociolinguistic.

© Смирнов Е.Е., Хухуни Г.Т., 2012.

С момента зарождения сравнительно-исторического языкознания в первой трети XIX столетия, а фактически – начиная ещё с относящейся к последней четверти XVIII в. классической фразы Уильяма Джоунза о родственных языках, происходящих «из одного общего источника, который, быть может, больше не существует» (“have sprung from some common source, which, perhaps, no longer exists” [16, 80]), понятие *праязыка*, или *языка-основы* (термины, восходящие в отечественной научной традиции к немецким *Ursprache* и *Grundsprache*), стало наиболее фундаментальным понятием компаративистики. Конечно, история нашей науки знает и попытки от него отказаться – либо вообще (достаточно вспомнить принадлежащий Н.Я. Марру тезис: «Единый праязык есть сослужившая свою службу научная фикция» [7, 185]), либо применительно к отдельным языковым семьям (здесь, прежде всего, естественно вспомнить утверждение Н.С. Трубецкого, относившегося к построениям Марра резко отрицательно: «Предполагают, что в чрезвычайно отдалённые времена существовал один-единственный индоевропейский язык, так называемый индоевропейский праязык, из которого будто бы развились все исторические засвидетельствованные индоевропейские языки <...> предположение о едином индоевропейском праязыке нельзя признать совсем невозможным. Однако оно отнюдь не является необходимым, и без него прекрасно можно обойтись» [12, 44-45]). С другой стороны, вопрос о том, насколько тот или иной реконструированный праязык соответствует исторической реальности (и соответствует ли ей вообще), уже в XIX в. стал предметом острой полемики, не угасшей и в последующие периоды развития отечественной и зарубежной компаративистики (см., в частности, работы И.И. Валуйцевой, В.П. Нерознака [4; 8] и др.). Но всё это отнюдь не опровергает того обстоятельства, что положение, согласно которому праязык представляет собой «язык, из диалектов которого произошла группа родственных языков» [6, 391], большинством языковедов принимается за аксиому.

Однако нетрудно заметить, что гораздо сложнее обстоит дело с вопросом о том, *с какого времени* можно говорить о так называемом *распаде* праязыка, т. е. о *выделении* из него отдельных языков и их дальнейшем развитии. Приблизительные границы такого распада, приводимые исследователями, могут быть весьма широкими – как, скажем, для индоевропейского праязыка, где счёт идёт на тысячелетия (называют, в частности, период от 6000 до 2500 года до н. э.), – или достаточно конкретными по масштабам истории. Наиболее показательный пример последнего случая – современные романские языки, процесс формирования которых из латыни относят к V-IX вв. н. э., исходя из того, что «время распада общероманского праязыка (т. е. народной латыни) приблизительно совпадает со временем падения Западной Римской империи: именно с этого момента диалекты народной латыни, на которых говорили в разных концах этого политического объединения, постепенно начинают превращаться в отдельные языки» [2, 129]. Но практически всегда наибольшие затруднения вызывает вопрос о том критерии (тех критериях), опираясь на которые, можно было бы с достаточным основанием констатировать превращение прежнего относительного единства (т. е. наличие диалектов, принадлежащих одному языку) в несомненное множество (появление «самостоятельных» языков).

Данному вопросу посвящена достаточно большая специальная литература, рассмотрение которой, естественно, не входит в задачи настоящей статьи. Здесь мы хотели бы затронуть в этой связи один эпизод, связанный с именем уже упоминавшегося выше выдающегося отечественного языковеда Н.С. Трубецкого и относящийся к проблеме распада общеславянского праязыка.

Как известно, традиционно принято считать, что названный процесс происходил в VI-VII вв. н. э.: «Праславянский язык развивался как единый диалект в течение длительного периода: с 3-го тыс. до н. э., когда уже не существовало индоевропейского праязыка, до 2-й пол. 1-го тыс. н. э., когда П. я. распался

на ряд диалектов, на основе которых в дальнейшем сформировались самостоятельные славянские языки» [1, 365].

Приведённая датировка играет крайне важную роль не только с сугубо лингвистической, но и с лингвокультурной точки зрения: если в IX в. общеславянский язык уже не существовал, то пришедший столетие с лишним спустя на Русь вместе с христианством старославянский – «язык, хотя и близко родственник русскому, но всё же другой» [11, 42]. Именно на этом основании так называемые старославянизмы рассматриваются в учебниках и учебных пособиях по русской лексикологии в разделе *заимствованной лексики*.

Излагая свои соображения по этому поводу в специальной статье, Н.С. Трубецкой мотивировал свою точку зрения следующим образом:

«... Необходимо прежде всего прийти к единой точке зрения относительно понятия «распад».

Если под распадом подразумевать возникновение такого состояния, при котором носители различных диалектов какого-нибудь исконно единого языка с трудом могут понять друг друга, то нужно учесть, что подобные состояния вызываются обычно не дивергентным развитием звукового строя языка и его грамматических форм, но дивергентным развитием словарного состава... Определение момента времени, когда наступают такие состояния, и характеристика процессов, их вызывающих, находятся, таким образом, в сфере истории слов, вернее, истории словарного состава, то есть наиболее запущенного раздела языкознания...

Под «распадом» можно понимать, однако, нечто иное, а именно возникновение такого состояния, при котором отдельные диалекты того или иного языка теряют способность переживать вместе с другими диалектами *существенные* (курсив наш. – Е.С., Г.Х.) звуковые и грамматические изменения. Распад, понимаемый в *таком* смысле, представляет собой проблему исторической фонетики и исторической морфологии. И так как эти

дисциплины являются, пожалуй, единственными разделами языкознания, хорошо разработанными и с точки зрения материала, и с точки зрения методологии, то исследователь, желающий осветить проблему распада языковой общности, естественным образом вынужден рассматривать как объект своего исследования понятие «распад» именно во втором смысле... Преобразование редуцированных является... последним звуковым изменением, общим для всех славянских языков» [13, 143-144, 167].

Исходя из этого, учёный пришёл к следующему выводу: «Концом общеславянской эпохи я считаю XII век <...> общеславянский праязык (в его существовании – в отличие от общеиндоевропейского – Н.С. Трубецкой не сомневался. – Е.С., Г.Х.) есть не момент, а эпоха, точнее, целый ряд эпох <...> не существует резкой грани между «праязыковой эпохой» и эпохой «самостоятельного существования» отдельных языков; история возникновения общеславянского праязыка есть в то же время история его распада» [9, 2, 6]. На наш взгляд, именно с этим положением связано другое утверждение Н.С. Трубецкого: «... Я <...> не признаю в общеславянском праязыке носовых гласных» [9, 2], – хотя со времён известного раскрытия А.Х. Востоковым знаменитой «тайны юсов» наличие их в общеславянском практически никем под сомнение не ставилось. Для доказательства столь «еретического», с точки зрения традиционной славистики, тезиса учёный предлагал собственную интерпретацию соответствующих фактов (утверждая, в частности, что «всюду, где такие гласные якобы засвидетельствованы на письме или в заимствованных словах, на самом деле засвидетельствованы чистые (неназализованные) + носовые согласные» [9, 18]). Оценка аргументации автора с точки зрения собственно славистики, естественно, в наши задачи не входит. Но, думается, решающую роль в его концепции всё же играли именно общетеоретические соображения: считать исчезновение носовых «недостаточно существенным» изменением было вряд ли возможно, а признание их наличия в ста-

рославянском и польском при отсутствии в древнерусском ставило постулат о существовании до XII столетия общеславянского языка под очень большое сомнение...

Если принять предложенную Н.С. Трубецким датировку, то изложенная выше традиционная точка зрения подлежит принципиальному пересмотру, в том числе и в общелингвистическом плане. Старославянский логично в этом случае считать письменной фиксацией не *отдельного* (хотя и близкого другим) славянского языка, а *литературной формой* общеславянского, относящегося к остальным его диалектам примерно так же, как классическая латынь I-V вв. н. э. к вульгарной латыни того же периода. Иными словами, толкование старославянизмов как «заимствованной лексики» пришлось бы существенным образом скорректировать. Речь будет идти в этом случае не о заимствовании в собственном смысле слова (т. е. проникновении лексических, словообразовательных и иных элементов из одного языка в другой), а о взаимодействии двух идиомов: литературного стандарта, основанного на южнославянском диалекте, и восточнославянского диалекта, представляющих собой, таким образом, территориально-социальные варианты одного и того же общеславянского языка. Поскольку одновременно Н.С. Трубецкой утверждал, что и «более или менее единый общерусский язык распался на три большие диалектные группы: украинскую, белорусскую и великорусскую ... 'в период 1164 – 1282'» [13, 160], то он пришёл к достаточно парадоксальному, с точки зрения традиционной компаративистики, выводу, согласно которому «конец дочерней языковой общности не всегда должен быть хронологически более поздним, чем конец материнской языковой общности» [13, 167].

Возвращаясь к проблеме распада общеславянского, отметим, что трактовка Н.С. Трубецкого несколько видоизменяет и предложенное в своё время Б.А. Успенским понятие церковнославянского-русской диглоссии, при которой «члену языкового коллектива свойственно воспринимать сосуществующие язы-

ковые системы как *один язык*, тогда как для внешнего наблюдателя (включая сюда и исследователя-лингвиста) естественно видеть здесь *два разных языка*» [14, 6]. Действительно: если концом общеславянской эпохи считать XII в., то исследователь-лингвист должен неизбежно прийти к выводу, что церковнославянский и древнерусский до этого периода не только субъективно (с позиций «члена языкового коллектива»), но и объективно (в плане существовавших между названными идиомами отношений) образовывали, если можно так выразиться, «чисто диглоссию» пару. А для более позднего периода (т. е. начиная с XIII столетия) квалификация взаимоотношений церковнославянского и русского языков как субъективной диглоссии при объективном билингвизме будет (если исходить из позиции Н.С. Трубецкого) вполне оправданной.

Сразу же оговорим, что высказанная Н.С. Трубецким точка зрения вызвала довольно резкую критику со стороны многих языковедов. С одной стороны, отмечалось, что само понятие *существенных* изменений является не вполне ясным (см., в частности, раб. Ф.П. Филина [15]). С другой стороны, – уже без непосредственной связи с концепцией Н.С. Трубецкого, – в социалингвистических трудах указывалось: «При различении языка и диалекта часто используют критерий взаимопонятности. Однако обилие контр-примеров делает этот критерий ненадёжным. Кроме того, понимание или непонимание – это не абсолютные понятия, а относительные: всегда существует степень *понимания*» [5, 43-44]. В связи с этим даже утверждалось, что вообще «граница между языком и диалектом является в значительной степени условной и существует только с социалингвистической, а не с чисто лингвистической точки зрения» [5, 43-44].

Не останавливаясь подробно на подобного рода социалингвистических факторах – таких, как степень престижности, наличие/отсутствие локальной ограниченности в использовании и т. д. (поскольку предметом нашего рассмотрения является не анализ разли-

чия между языком и диалектом как таковой, а исследование факторов, обуславливающих переход идиомов, бывших ранее разновидностями одного языка, в самостоятельные языки), – обратимся ещё только к одному моменту, связанному с письменной традицией. При этом сразу же необходимо оговорить его ограниченность: понятно, что к случаям типа распада индоевропейского праязыка, который произошёл задолго до появления каких-либо письменных свидетельств о последнем, данный критерий неприменим в принципе.

В синхроническом аспекте (при решении вопроса о квалификации той или иной языковой ситуации на определённом этапе как билингвизма или диглоссии) данный аспект учитывается достаточно часто, о чём, в частности, свидетельствует его применение в работе И.И. Валуйцевой, где в качестве первого критерия названо как раз «наличие или отсутствие собственной письменной фиксации (кодифицированной нормы)». В первом случае речь будет идти о билингвизме (например, взаимоотношение норвежского и датского или немецкого или голландского), во втором – о диглоссии (различные диалекты немецкого языка) [3, 32].

В диахроническом плане можно опять-таки сослаться на упомянутую выше книгу Б.А. Успенского. Говоря о процессах «преобразования церковнославянско-русской диглоссии в церковнославянско-русское двуязычие», учёный указывает: «Ситуация церковнославянско-русского двуязычия закономерно приводит к кодификации русского языка» [14, 54, 106].

В чём-то аналогичная картина отмечалась и по отношению к романским языкам: «В 8 в. Р. я. осознаются отличными... от латыни... В 813 г. Турский собор рекомендует священникам произносить проповеди не на латыни, но *in rusticam romanam linguam* («на деревенском романском языке»). В эту же эпоху появляются письменные свидетельства Р. я...» [10, 422].

Приведённые факты, на наш взгляд, подтверждают то обстоятельство, что распад праязыка представляет собой сложное, мно-

гоаспектное и во многом противоречивое явление, что делает целесообразным, говоря о данном процессе, различать – используя сосюрровское разграничение науки о языке – «внутренние» и «внешние» («собственно лингвистические» и «социолингвистические») аспекты. Там, где речь идёт о языке как об особом системно-структурном образовании, предложенный Н.С. Трубецким критерий («способность переживать вместе с другими диалектами существенные звуковые и грамматические изменения») представляется – несмотря на отмеченную выше критику – имеющим полное право на существование. Однако абсолютизировать его вряд ли целесообразно, ибо, рассматривая язык как коммуникативное средство, используемое соответствующим коллективом, приходится принимать во внимание, в первую очередь, уже факторы социолингвистического характера, отнюдь не всегда симметричные по отношению к структурным характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бернштейн С.Б. Праязык // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. С. 365-366.
2. Бурлак С.А., Старостин С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 432 с.
3. Валуйцева И.И. Основы социолингвистики: Учебное пособие. М.: Изд-во «Народный учитель», 2000. 60 с.
4. Валуйцева И.И. Сравнительно-историческая, типологическая и ареальная лингвистика: Учебное пособие. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 64 с.
5. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка: Учебное пособие. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Праязык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 391-392.
7. Марр Н.Я. Индоевропейские языки Средиземноморья // Н.Я. Марр. Избранные работы. Т. 1. Л.: ГАИМК, 1933. С. 185-186.
8. Нерознак В.П. Праязык: конструкт или реальность? // Сравнительно-историческое изучение

- языков различных семей. Теория лингвистической реконструкции. М.: Наука, 1988. С. 26-43.
9. Письма и заметки Н.С. Трубецкого. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
 10. Порхомовский В.Я. Романские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 421-423.
 11. Современный русский язык / Под ред. проф. Д.Э. Розенталя. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 636 с.
 12. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 44-59.
 13. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 143-167.
 14. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX век). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
 15. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. 655 с.
 16. Seuren P. Western Linguistics. An Historical Introduction. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. 570 p.

УДК 801.632

Степанова Г.Ю.

Московский государственный областной университет

ВНУТРИСТРОКОВОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ДРЕВНЕГЕРМАНСКОГО ДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

G. Stepanova

Moscow State Regional University

INTERLINEAL SEMANTIC UNITY AS AN INTEGRAL ELEMENT OF AN OLD GERMANIC DIDACTIC TEXT

Аннотация. В статье рассматриваются ранее не изученные семантические процессы, имеющие место в текстах древнегерманской поэзии. В ней представлен анализ коннотативной общности, создаваемой аллитерирующими в долгой строке поэтического текста словами, получившей название «внутристроковое семантическое единство». Проведенное исследование позволило выделить данное явление в дидактической поэзии и установить, что внутристроковое семантическое единство, как правило, трехкомпонентно, состоит из нейтрального по эмоциональной окраске ядра и двух дескриптивных элементов, наделяющих его определенной ассоциацией и связанных с ним аллитерацией.

Ключевые слова: древнегерманская поэзия, рунические поэмы, аллитерация, фоносемантика, звуковой символизм, внутристроковое семантическое единство.

Abstract. This article explores certain semantic processes in the Germanic poetic texts which have been studied so far only superficially. It contains the analysis of a specific connotative general meaning which is created by the alliterating words in a line of a poetic text and is identified here as the internal semantic unity. This phenomenon was extracted through the research of the Germanic didactic poetry. As a rule, the interlineal semantic unity is tripartite and consists of the neutral nucleus devoid of any emotional component and two descriptive elements which give it a certain association and are connected with it through the means of alliteration.

Key words: Germanic poetry, rune poems, alliteration, phonosemantics, sound symbolism, internal semantic unity.

Аллитерация в научных работах, посвященных древнегерманской поэтической традиции, выступает как один из основных объектов исследования. Такие аспекты поэтического